

Коронавирусная эпоха и её новая лексика и фразеология в славянских языках

LIUDMYLA DANYLENKO

Taras Shevchenko National University of Kyiv (Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко), 64/13, Volodymyrska Street, UA 01601 Kyiv, dankoua@ukr.net

1.04 Strokovni članek – 1.04 Professional article

V članku je obravnavano novejše besedje in novejše frazeološke enote, ki so se v različnih slovanskih jezikih (ukrajinščini, ruščini in češčini) pojavile v povezavi s pandemijo koronavirusa. Posebna pozornost je namenjena značilnim tematskim skupinam in metaforičnim ter besedotvornim prvinam. Rezultati raziskave kažejo vzporednice med analiziranimi jeziki; v vseh se pojavljajo anglicizmi in priložnostni neologizmi, ki so izrazito ekspresivni. Novosti na področju frazeologije in paremiologije so osnovane na obstoječih strukturno-semantičnih modelih in prenovitvah pregovorov v antipregovore.

The purpose of this research is to study new vocabulary and phraseology that appeared in relation to the coronavirus pandemic in different groups of Slavic languages: Ukrainian, Russian and Czech. Thematic groups, figurative and word-shaping resources are described. The results of the research revealed parallel trends: Mainly borrowings from the English language and occasional neologisms with a clear expressive tone. Innovations in the fields of Phraseology and Paremiology take place based on the existing structural-semantic models and transformations of proverbs into new anti-proverbs.

Ključne besede: neologizmi, koronavirus, semantika, besedotvorje, leksika, frazeologija, ukrajinščina, ruščina, češčina

Key words: neologisms, coronavirus, semantics, word-formation processes, vocabulary, phraseology, Ukrainian, Russian, Czech languages

0 Введение

Что наш язык? — Наша жизнь. Связь между языком и жизнью сегодня проявляется с особой отчетливостью по причине глобальной пандемии коронавируса. Содержание и смысл текущего момента предопределили значительные динамические процессы в лексиконах практически всех языков мира. Уже весной 2020 года стали появляться первые статьи в периодических изданиях, посвященные новым языковым процессам (Шмелева 2020, Замальдинов 2020, Беженару 2020), а в конце года вышел

сборник научных статей, в котором констатируется: «Поток пандемических новообразований захлеснул и русский язык» (Вальтер, Мокиенко 2020: 34).

Прежде чем перейти к анализу нашего материала, уместно обратиться к статье Анны Вежицкой «Семь важных мыслей во время коронавирусной пандемии», содержание которой много дает для понимания исключительности нашего времени и, как следствие, его языковых рефлексов. Каждая из семи мыслей начинается одинаковой фразой: «Будет хорошо для нас всех, если мы будем думать сейчас каждый день так: Это время не такое, как в обычное время» (Вежицкая 2020: 256).

Статья Анны Вежицкой побуждает к размышлениям как философского, так и лингвистического плана, что закономерно вытекает из научной концепции известного ученого. С одной стороны, глобальная идея автора — физическое и психическое здоровье и благополучие всех людей на Земле — заключается в призыве проникнуться особенностью, сложностью и ответственностью за сегодняшний день и серьезно подумать о некоторых вещах, от которых в целом зависит любая деятельность человека:

Мы можем думать о таких вещах: мы все живем с другими людьми, никто из нас не похож на остров. Как нам жить с другими людьми хорошо? <...> Если сейчас мы будем думать об этом больше, после этих плохих времен мы сможем жить не так как раньше; мы будем жить лучше. Мы этого хотим. (Вежицкая 2020: 258)

С другой стороны, неординарность и своеобразие настоящего времени неизбежно обуславливает активизацию инновационных процессов в каждом языке как социальном явлении динамической природы.

Цель нашей статьи — рассмотреть новую лексику и фразеологию, связанную с пандемией коронавируса, с точки зрения семантики, словообразования и образной номинации в славянских языках, преимущественно в украинском, русском и чешском. Не углубляясь в проблематику дифференциации терминов *неологизм* и *инновация*, отметим, что рассматриваем эти понятия как взаимосвязанные. Иначе говоря, это такие слова и выражения, которые по языковому признаку либо созданы совсем заново, либо созданы морфологическим путем по существующим в языке моделям словообразования, словосложения, заимствования, аналогии и т. п. Свои наблюдения и дальнейшие размышления мы будем основывать на материалах, собранных в текстах современных электронных массмедиа, социальных сетях, Интернет-порталах неологистики (навигация в списке источников для украинского материала: ДП, ИК, УД, ФІМ, GM, Mova, для русского материала: ПГ, IF, IG, NW, RS, RG, для материала чешского языка: Čeština 2.0, 2020, FBUK, NCZ, NM, для словенского языка: FR). В качестве основных методов исследования применялись общенаучные методы синтеза, анализа, классификации и сравнения, а также собственно лингвистические методы семантического, словообразовательного, лингвостилистического, фразеологического анализа.

1 Семантико-мотивационное поле коронавирусной тематики

Изучение неологических явлений в языке всегда было задачей актуальной. На первый план выдвигалась экстралингвистическая причина — необходимость обозначать словами или словосочетаниями новые понятия, в большинстве своем обычному человеку неизвестные. В книге «Русский язык на грани нервного срыва» (название, как никогда созвучное реалиям сегодняшней жизни) М. А. Кронгауз подчеркивал:

Появление новых слов или новых значений у старых слов означает, что мир вокруг нас изменился. В нем либо появилось что-то новое, либо что-то существующее стало важным настолько, что язык (а в действительности мы сами) создает для него имя (Кронгауз 2007: 14).

Интересную статистику привели в своем исследовании А. В. Зеленин и Т. Н. Буцева: на сайте Института немецкого языка в онлайн-неологическом словаре *Neuer Wortschatz* представлено 473 неологизма и актуализированных лексем, появившихся в немецком языке с февраля по июнь 2020 г. Английский словарь *Merriam-Webster* в электронной базе зафиксировал 535 новых слов и новых значений. В финском словаре *COVID-slovet* содержится 560 единиц. В русском языке согласно базе данных *Integrum* (это самая крупная на сегодняшний день электронная коллекция российских массмедиа), количество инноваций, связанных с коронавирусной проблематикой, составляет примерно 600 единиц (Зеленин, Буцева 2020: 98). К этому перечню можно добавить данные базы *Neomat* (версия 3.0) Института чешского языка Академии наук Чешской Республики: более 1000 единиц к концу 2020 года и почти 1500 к середине 2021 года. Кроме того, у чехов существует по сути уникальный проект под названием *Čeština 2.0*, который можно было бы назвать «Народный толковый словарь». Это неофициальный словарь в Интернете, который создают сами люди. Его слоган — *Slovník, který tvoříte vy — Словарь, который создаете вы*. Автор проекта Мартин Кавка отмечает, что за 11-летнюю историю существования словаря (с 2009 г.) ни одно другое событие так не всколыхнуло общество, а вместе с ним и словотворчество, как пандемия коронавируса. На сегодняшний день объем словаря составляет 18 тыс. единиц (LN). Разумеется, слова, которые люди сами в словарь предлагают (а это не только неологизмы, приближенные к литературным нормам, но и сленгизмы, жаргонизмы и т. п.) не являются частью кодифицированного чешского языка, но некоторые из них со временем могут таковыми стать. При этом имеются слова с довольно затемненной внутренней формой, которая нелегко расшифровывается, как например, первое слово коронавирусной тематики, записанное уже 28.01.2020, *skoronavirus* (см. *Čeština 2.0*: 2020). Нам оно представляется как комбинация *s-korona-virus* ‘вирус с короной’. К середине мая 2020 г. народный словарь *Čeština 2.0* уже имел около 400 новых слов, связанных с глобальной эпидемией.

Количество слов, появившихся в современном украинском языке в связи с анализируемой понятийной областью, можно назвать приблизительно в объеме 600-700 лексем. Популяризируют и комментируют неологизмы украинского языка лингвисты Института языковедения им. А. А. Потебни Национальной Академии наук Украины в сети Фейсбук (ФІМ).

Обратимся к построению моделей идеографических групп, своим содержанием покрывающих семантико-мотивационное поле денотативной области «коронавирусная пандемия».

1.1 Первую подгруппу формируют лексемы, объединяемые темой «название болезни». Это как терминологическая лексика без дополнительных коннотаций (*Covid-19* ‘заболевание, вызываемое новым коронавирусом’, укр. *ковід, коронавірус, коронавірусна інфекція*, рус. *ковид, коронавирус, коронавирусная инфекция*, чеш. *covid, koronavirus, koronainfekce*), так и различного рода разговорные номинации, ср. рус. *китайский вирус, Уханьский коронавирус*, чеш. *covidek, korona, wuchanvir, koronáč, koroňák, koronáček* («детский» деминутив) и др.

Слово *коронавирус* вызвало интерес и даже споры по поводу правописания. В украинском языке его комментируют как лексему, образованную путем сложения двух слов, а не двух основ, — *корона* и *вирус*, как в английском языке. В русском языке до 2015 г. оно писалось через дефис, но теперь написание поменяли на слитное.

1.2 Вторая подгруппа содержит лексемы, объединяемые темой «коронавирусный больной»: укр. *ковід-пацієнт, ковідник*, рус. *ковидоноситель, ковидопереносчик, суперспредер*, чеш. *covidák/ koroňák* ‘заболевший ковидом’ и др.

1.3 Третья подгруппа — наименования лиц, которые в коронавирус верят и серьезно относятся к соблюдению всех предписанных мер безопасности: укр. *коронавіруючий*, рус. *самоизолятор, ковид-лоялист, ковид-оптимист*, чеш. *rouškotil, prouškař* ‘человек, признающий ношение маски’ и др.

1.4 Четвертая подгруппа — наименования лиц, которые в коронавирус не верят и серьезно не относятся к соблюдению всех предписанных мер безопасности: укр. *ковід-дисидент, ковідіот*, рус. *ковидиот*, чеш. *kovidiot*, словен. *korónabedak*, рус. *ковидоскептик, вакциноскептик, коронапофигист, антимабочник, ковид-сектант, ковид-нигилист, ковирист, ковид-разгильтйя, отрицант, погулянец*, чеш. *rouškokaž* ‘человек, который маску не носит’, *coronakretěn, naroušitel* ‘человек без маски в общественном месте’ (слово, близкое к рус. *нарушитель*, однако в основе чешского слова лежит понятие *rouška* ‘маска’) и др.

Данная подгруппа свидетельствует о преобладании пейоративных номинаций, что подтверждает тезис об общей семантической ассиметрии лексической системы языка в сторону отрицательных значений.

1.5 Пятую небольшую подгруппу образуют наименования лиц, имеющих отношение к коронавирусу по роду своей деятельности: рус. *ковид-волонтер* ‘человек, занимающийся во время пандемии коронавируса общественно полезной деятельностью на безвозмездной основе’, *ковид-блогер* ‘человек, заболевший ковидом и рассказывающий в соцсетях о ходе лечения’, чеш. *pandemagog* ‘политик, злоупотребляющий пандемией в популистских целях’, *koronaut* ‘медработник в спецкостюме’, *koronikář* ‘человек, собирающий хронику о коронавирусе’ и др.

1.6 Шестая подгруппа является наименованиями различных социальных явлений, отношений и т. п., обусловленных пандемией коронавируса: укр. *сомоізоляція, червона/зелена зона*, укр., рус. *локдаун*, чеш. *lockdown*, укр. *інфодемія*, рус. *инфодемия*, чеш. *infodemie* ‘фейк о Covid-19’, рус. *удаленщик, ковидобесие, псевдомаски* ‘платки, шарфы, банданы вместо медицинской маски’, *масочный режим, коллективный иммунитет, зеленая/красная зона*, чеш. *šokokalypsa* ‘покупательская истерия в период пандемии’, *nákazník* ‘покупатель (от чеш. *zákazník*) как потенциальный носитель коронавируса’ и др.

1.7 Седьмая подгруппа включает лексемы, которые непосредственно не мотивированы коронавирусными проблемами, но активизировались вследствие пандемии коронавируса. Самым популярным здесь является слово *Зум (Zoom)* ‘сервис для проведения видеоконференций’, о существовании которого до пандемии многие даже не знали. После перевода студентов и школьников на дистанционное обучение, а сотрудников — на удаленную работу, о «зуме» узнали все. Это слово, заимствованное из английского языка, в украинском языке проходило графическую адаптацию постепенно: *Zoom/ Зум/зум*, ср.: *Конференцію заплановано провести дистанційно (у формі онлайнних доповідей із застосуванням платформи Zoom)* (ФІМ, 10.10.2020); *Лекція відбудеться в онлайнному режимі із застосуванням дистанційних технологій платформи Зум* (ФІМ, 15.05.2021). Чешский и словенский языки пока сохраняют графику языка-источника — *zoom*, ср. чеш. *Co je Zoom? Zoom je virtuální platforma určená k setkávání* (PON), словен. *Koroška kot diplomatski problem / Zoom konferenca; Prijazno vabimo na novinarsko konferenco iz serije rednih predstavitev raziskovalnih rezultatov ZRC SAZU, ki bo v ponedeljek 14. decembra 2020 potekala na platformi zoom* (FR). В русском языке как следствие адаптации и усвоения появилось большое количество однокоренных производных от слова *зум*. Вот лишь некоторые, распространенные в Интернете: *зумовская конференция, зумовская модель, зуминар* (сложение двух слов — *зум* и *семинар*),

пора зумитися, мы отзумились ‘о дистанционных занятиях’, призумитися ‘присоединиться к онлайн конференции по зуму’, сзумитися с кем-то ‘связаться по зуму’, обзумить ‘записать видеоконференцию’, беззумие ‘отсутствие сервиса зум или его прерывание во время конференции’. Спрос на Зум привлек злоумышленников, которые специально подключаются к чужим конференциям, особенно не защищенными паролями, и демонстрируют в эфире неприемлемый контент, ср.: рус. *зумовские хулиганы*, *зумовская «клубничка»*. Этот вид пранка стали называть *зумбомбинг* (от англ. *Zoom bombing*). Вероятно, глагольная форма *зумить* имеет шансы в русском языке закрепиться, как, например, привычным стало слово (*за*) *гуглить*. Тогда как украинский глагол *зумити/зумувати* пока употребляется только в значении ‘увеличивать изображение’, напр. *Доводиться зберігати проміжні варіанти, додавати, зумити та розміщувати нові анімації* (УД). При этом в украинском языке слово *зумінар* является достаточно распространенным, ср. *Зумінари є частиною освітнього процесу*. То же самое можно констатировать в отношении чешского субстантива *zoominář* и глагола *zazoomovat si*: *Jindy bychom za vámi jeli na fakultu, ale letos si zazoomujete. Informační zoominář pořádáme 4.června v 16 hod, budeme si s vámi povídat o všem, co vás na našich stipendiích zajímá* (FBUK, 4.06.2020). Есть еще рус. *зум-вечеринки*, чеш. *viruspárty, koronamejdan*. Однако ввиду небезопасности проведения различных образовательных встреч в Зуме, пользователи Интернета активизировали поиски альтернативных платформ. Соответственно в чешском языке стало набирать популярность слово *gučebna*, образованное по модели *učebna* ‘класс’ и *Googl* ‘Гугл’ (англ. Google Classroom).

2 Деривация и графическая адаптация слова covid

Неологизмы данной семантической группы являются результатом следующих механизмов словообразования:

2.1 Осново- и словосложение

Отличительным признаком словообразования данной семантической группы является наличие следующих компонентов, которым принадлежит ведущая позиция в тематической группе:

- *covid* или адаптированный вариант *ковид*: укр. *Covid-сертифікат/ковід-сертифікат, ковід-пандемія, ковід-захворюваність, ковід-тест*, рус. *Covid-мошенники, ковидпандемия, ковидобразование, ковидневроз, ковидознатоки, ковидобезумие, ковиниалы, ковид-бумеры ‘дети, рожденные в период карантина’*, чеш. *covidět ‘болеть ковидом’; covidfree zóna ‘зона без ковида’*;

- *корона*: укр. *коронарік* и чеш. *koronorok* (слово-палиндром), укр. *короїнали*, чеш. *koroniál, koronodítě, koroňátko* ‘дети, рожденные в период карантина’, *koronácek* ‘человек, постоянно обсуждающий тему коронавируса’, *koronakilo* ‘лишний вес вследствие малоподвижной жизни во время коронавируса’, *koroncert* ‘онлайн концерт’, укр. *коронафобія*, рус. *коронафобия*, чеш. *koronafobie* ‘страх инфицирования коронавирусом’, *rouškofobie* ‘неприятие карантина’, укр. *коронуватися* ‘сдать тест на Covid-19; переболеть коронавирусом’. Сложные слова с участием слова *корона* — явление, универсальное для всех славянских языков. В словенском языке известны *korónavírus, korónačàs, korónaepidemija, korónapandemija* (FR), а также *koronaštevce, koronapočitnice, koronapozdrav, koronavojna, koronazakon, protikoronski zakon* (Ulčnik 2020: 32). На примере лексики данной семантической группы «наиболее выразительны тенденции использования иноязычных ресурсов в словообразовательной номинации отдельных славянских языков» (Карпиловская 2014: 21);
- *вирус*: укр. *макароновірус*, рус. *макароновирус* ‘нездоровый ажиотаж вокруг закупки продуктов’, укр. *віруспруденція* ‘дела в судах о соблюдении правил карантина’, чеш. *virokracie* ‘правительственные меры против пандемии’, *kontravírus* ‘алкоголь как профилактическая мера’, *kolonavirus* ‘колонны машин на автомагистралях из-за закрытых границ’, *virofobie* ‘страх перед вирусом’;
- *маска*: укр., рус. *маскошок* ‘истерия из-за невозможности купить маску’, чеш. *rouškokrizе* ‘маскокризис’, *mateřrouška* ‘материнская (сшитая мамой) маска’, *korouška* ‘маска, сшитая своими руками’, *rouškomat* ‘автомат для продажи масок’; *rouškovník* ‘вешалка для масок’, *zarouškovat* ‘надеть всем маски’;
- *карантин*: укр. *карантин-шеймінг* ‘преследование нарушителей карантина’, рус. *карантье* ‘человек, дающий в аренду своих собак для прогулки во время карантина’, чеш. *karande* ‘рандеву во время карантина’, *karanténiny* ‘день рождения во время карантина’;
- *изоляция*: укр. *самоізоляція*, рус. *самоизоляция, сексоизоляция, балконоизоляция*;
- *вакцина*: укр. *вакцинофіл*, чеш. *vakcinofil* ‘сторонник вакцинации’, *vakcinoskeptic* ‘противник вакцинации’, *vakcinodrom* ‘центр вакцинации’, *vakcinátor* ‘политик, пропагандирующий вакцинацию’;
- *основа -пандем-*: укр. *постпандемія*, чеш. *postpandemie, popandemický, protipandemický, mezipandemický, pseudopandemický*.

Среди множества примеров отметим слово *вакцинатор*. В украинском языке толковый словарь его фиксирует в двух значениях: 1. Прибор для проведения вакцинации; 2. Специалист по вакцинации (СУМ-20), то же *вакцинолог*. В русском и чешском языках — *вакцинатор* и *vakcinátor* — касаются номинаций лишь субъектов определенных действий.

Как показывает материал, в данной тематической группе самыми продуктивными являются существительные, которые за счет стабильной мотивирующей части служат в языках для образования новых прилагательных или словосочетаний, реже — глаголов, напр. чеш. *karanténa* ‘карантин’ > *karantenismus*, *karanténista*, *karanténitida*, *karantenizace*, *karantini*, *karantenistický*, *karantenizovaný*, *karanténový*, *karantenizující*, *karantenizovat*, *karanténovat*; укр. *карантинити*, *адаптивний карантин*, *карантин вихідного дня*.

2.2 Аффиксация

Высокой продуктивностью отличаются неологизмы, образованные префиксально-суффиксальным способом. Среди них преобладают прилагательные (менее — существительные) с префиксами:

- *анти-/anti-*: укр. *антиковідний* (план, фонд, мітинг, фестиваль), рус. *антиковидные* (меры, ограничения), чеш. *antikovidní*, *antikoronový*, *antikoronavirový* (opatření), *antipandemický* (model). В чешском языке, в отличие от украинского и русского, имеется много примеров в образовании имен существительных: *antikovid*, *antivirus*, *antivakcinář*, *antirouškař*, *antirouškián*, *antivaxer* и др.;
- *без-/бес-/bez-*: укр. *безкоронавірусний* (час, життя), рус. *бескоронавирусный* (район, режим), чеш. *bezkoronavirový* (kraj, budoucnost); *bezroušek*, *bezkovidovost*;
- *перед-/пред-/před-*: укр. *передковідний* (рік, період), рус. *предковидный* (мир, уровень), чеш. *předkovidový*, *předkaranténní*, *předkoronavirový*, *předrouškový* (doba, rok, figura);
- *пост-/post-*: укр. *постковідний* (синдром, період), рус. *постковидный* (состояние), чеш. *postkovidový*, *postkoronavirový*, *postvirový* (éra, doba, krize);
- *проти-/proti-*: укр. *протиковідний* (препарат), рус. *протиковидный* (костюм, протокол), *protikovidový* (opatření), *protirouškový* (hnutí).

Иллюстративный материал демонстрирует такие деривационные особенности:

- 1) основным способом словообразования в этом семантическом поле является осново- и словосложение, напр.: укр. *коронавірус*, *маскошок*, *самоізоляція*, рус. *коронакризис*, *карантинобудни*, чеш. *koronaepidemie*, *koronaakce*, *rychltestování* и т. п.
- 2) неологизмы, возникшие в результате словосложения, могут развивать полисемию: укр. *ковідіот*, рус. *ковидиот*, чеш. *kovidiot* ‘тот, кто преуменьшает опасность коронавируса’ и ‘тот, кто слишком паникует’;
- 3) полисемантические суффиксы одинаково предопределяют дериваты с разными семантическими корреляциями, напр. укр. *ковідник*

в локальном значении ‘больница’ и в значении субъекта ‘пациент, заболевший коронавирусом’, чеш. *covidák, koroňák* ‘коронавирус’ и ‘пациент’;

- 4) словообразовательные форманты последовательно реализуют семантику, закреплённую в языке, напр.: укр. суффикс *ник-* обозначает лицо по его отношению к коронавирусу — *коронавірусник, безмасочник*, в чешском языке суффикс *ák-* используется при образовании экспрессивных и сленговых наименований *koronastrašák, prymulák, covidák, rouškovexlák*, а суффикс *ість-/ость-/ost-* типичен для слов со значением абстрактного признака, состояния или процессуальности: укр. *інфекційність*, рус. *ковидоопасность*, чеш. *bezkovidovost, bezinfekčnost, protestovanost, proočkovanost*. Та же сфера применения касается суффикса *-ция* (с расширением *-ація/-ация, -ізація/-изация*): укр. *вакцинація*, рус. *вакцинация, ковидизация*, чеш. *karantenzace, rouškizace, koronizace*.

Национальную специфику обнаруживают те неологизмы, которые образованы с помощью различных формантов на основе уже существующих в языке слов, не повторяются в других языках и отличаются экспрессивностью, «живой» внутренней формой, напр.: укр. *ковідятко* ‘ребенок, болеющий ковидом’, *шапличники* ‘нарушители самоизоляции на пикниках’, рус. *сидидомец* ‘законопослушный человек на карантине’, *расхламинго* ‘домашняя уборка во время самоизоляции’, чеш. *bezroušek* ‘человек без маски’, *roušička* ‘женщина, которая шьет маски’, *jednorožec* ‘человек с маской на лбу (напр., во время телефонного разговора)’, *rouškovaná* ‘вид спорта, означающий ношение маски’ (напр., *Rouškovaná se stala národním sportem* (NM), образовано по модели *kopaná* ‘футбол’, *házená* ‘гандбол’, *odbíjená* ‘волейбол’), *prvoočkovanec* ‘человек, получивший первую дозу вакцины’, *Covidku* ‘название сборника Павла Янсы (Pavel Jansa) о жизни в период пандемии’ (по модели чеш. *povídky* ‘рассказы’).

2.3 Неосемантизация

Некоторые слова в языках, которые мы анализируем, расширили свой семантический потенциал. Так, слово *корона*, уменьшительное *коронка* приобрело еще значение ‘коронавирус’, укр. *коронований* ‘тот, кто переболел коронавирусом’, укр. *дистанційка*, рус. *дистанционка* теперь не только ‘дистанционное управление’, но и ‘форма образовательного процесса’, *улаленка* — ‘работа из дома во время карантина’, а слова из сферы терминологии, известной лишь специалистам, перешли в общее употребление: *санитайзер* ‘дезинфицирующее средство’, *тепловизор* ‘прибор для измерения температуры’, *сатурация* ‘показатель насыщения крови кислородом’ и др.

2.4 Образование аббревиатур

Образование аббревиатур представлено единичными примерами: укр. *aparát ШВЛ* ‘штучна вентиляція легенів’, рус. *аппарат ИВЛ* ‘искусственная вентиляция легких’ в отличие от словосочетания чеш. *umělá plicní ventilace*, укр. *ПЛР-тест*, рус. *ПЦР-тест*, чеш. *PCR-test* ‘тест методом полимеразной цепной реакции’. Случай окказиональной неологизации представляет собой аббревиация *до н.э.*: в контексте ковидной тематики она означает не ‘до нашей эры’, а ‘до начала эпидемии’, то же и в английском языке: вместо *B.C. (Before Christ)* — *Before Covid*.

2.5 Графическая адаптация

Графическая адаптация слов с иноязычным компонентом *covid* характеризуется в славянских языках вариативностью. В чешском языке наблюдаем как параллельное написание, напр.: *anticovidní* — *antikovidní*, так и адаптивное: *covid-pozitivní* — *koronapozitivní*, *covidománie* — *koronamánie*, а украинский и русский языки преимущественно применяют кальку *ковид*: укр. *ковідне ліжко*, *ковідний фонд*, *ковідний бюджет*, *антиковідний пакет*, *постковідне майбутнє*, рус. *ковидный больной* и др. В официальных контекстах, называющих болезнь, чаще употребляется иноязычная форма *covid*, напр.: *тяжелая форма COVID-19*, укр. *пандемія COVID-19*, *Covid-шпиталь*, *Covid проти всіх*, изредка встречается макароническая форма: рус. *COVID-ная тематика* (Беженару 2020: 52), *Дядя заболел COVID-кой?* (Зеленин, Буцева 2020: 102).

3 Стилистические приемы и выразительные средства языка в проекции на лексическую номинацию

Отличительной чертой массмедийных текстов и речевых практик, посвященных теме пандемии коронавируса, является создание новых слов с ярко выраженной экспрессивной окраской. Придумывание новых слов, вольное или невольное (как у детей), — в природе человека. В свое время это с юмором проиллюстрировал Карел Чапек:

Člověk se prý stal člověkem, když začal mluvit. Ale jakmile začal mluvit, udělal druhého dne vtip, našel s úžasem, že se slovy si možno pohrát (Čapek 1941: 68). — *Говорят, человек стал человеком, как только научился говорить. И как только он научился говорить, на следующий же день придумал шутку, с удивлением обнаружив, что со словами можно играть.*

Приемы экспрессивных новообразований реализуются по принципу языковой игры, удачно названной Б. Ю. Норманом «игрой на гранях языка»

(Норман 2006). Такая игра опирается на внутреннюю или внешнюю форму слова.

Наиболее распространенной разновидностью языковой игры является игра в пределах словообразования. Активно проявляет себя такой прием, как **контаминация**, при которой присутствуют фрагменты двух разных слов или хотя бы одна фонема исходного слова, напр.: укр. *зумбі* ‘люди, которые много времени проводят в Зуме’ (от *зомби*), *карантинка* ‘картинка о карантине, которую люди пересылают друг другу в социальных сетях’, рус. *коронаоик* ‘человек, склонный во всем видеть симптомы и признаки коронавируса’ (от *параноик* и *коронавирус*), *неврологизмы* ‘неологизмы нашего нервного времени’ (от *нервы* и *неологизмы*), *самоизолянт* ‘человек, отказавшийся от близких контактов с любым другим человеком’ (от *сам* и *изолировать*).

Необычную словесную креативность демонстрирует чешский язык. Так, *uprchrčlík* ‘иммигрант с коронавирусом’ возникло в результате наращивания слога *chr* в обычном слове *uprchlík* ‘иммигрант’, слово *divoch* ‘дикарь’ получило новое значение ‘ковид-позитивный пациент’, если название болезни Covid-19 прочитать наоборот, у слова *covidla* — прототипным послужило слово *povidla* ‘повидло’, напр. *A tenkrát jsme celý rok museli jíst buchty s covidly* (А тогда мы весь год ели булки с ковидлом), *švestková covidla-19 procentní* ‘сливовое «повидло» 19-процентное’.

Результатом подобных неологических процессов не есть совершенно новые формы, но происходит актуализация содержания или модификация формы слова, которая является составной частью национального лексикона.

В сопоставительном плане представляет интерес восточнославянские укр. *карантікули*, рус. *карантикулы* ‘школьные каникулы в связи с объявленным карантином’ и чешская лексема с тем же значением *haranténa*, являющаяся симбиозом двух слов: разговорного *horor* ‘ужастик, фильм ужасов’ и *karanténa* ‘карантин’. Семантико-стилистические качества чешского варианта отличаются высокой эмотивностью, поскольку отражают целую шкалу психического состояния, которое испытывают родители в связи с вынужденным пребыванием детей вне школы. Впервые слово *haranténa* было зафиксировано уже через неделю после закрытия школ в Чехии (18.03.2020) (LN). В отношении этого понятия чешский язык развил синонимию: еще имеется слово *koronáče, koroprázdny*.

Займствования иноязычных слов с ярко выраженной национальной коннотацией с целью языковой игры — практика весьма редкая, а потому уникальная. В этой связи заслуживает внимания чешский композит *koronamajdan*, вторая часть которого отсылает к украинскому слову *майдан*, на что прямо указывает чешский контекст:

V Kyjevě ano, ale v Berlíně ne. V Německu vypukl bleskový «koronamajdan». Ústavní soud souhlasil s rozhodnutím nejvyššího správního soudu spolkových zemí Berlín a

Braniborsko o zákazu budovat stanová městečka. Prý kvůli nemožnosti dodržovat protikoronavirová opatření (NM) — «В Киеве — да, но в Берлине — нет. В Германии разразился молниеносный «коронамайдан». Конституционный суд поддержал решение административного суда федеральных земель Берлина и Бранденбурга о запрете разворачивать палаточные городки из-за невозможности соблюдать антикоронавирусные меры.

В процессе лексической неологизации активно используются разговорные, просторечные, жаргонные и даже вульгарные слова. Эту тенденцию отмечаем на примере чеш. *prdom* ‘работа из дома’ (сокращение от *práce doma*, англ. home-office), чеш. *nemaskačenko* и укр. *голомордий*, рус. *голомордый* ‘человек без маски в общественных местах’, *koronožrout* ‘человек, усердно выполняющий предписания власти’, *koronašmejď* ‘нелегальный торговец, зарабатывающий на панике во время пандемии’, рус. *подцепить корону* ‘заболеть коронавирусом’, *карантец* ‘тяжелое время на карантине’, *застрянцы* ‘пострадавшие от запрета пересекать государственную границу’, *вжоперти* ‘режим строгой самоизоляции’, укр. *локдець* ‘локдаун’.

В отличие от украинского и русского языков, в чешском языке появились окказионализмы, мотивированные именами собственными — антропонимами и топонимами, напр. *na adama* ‘без маски, с открытым лицом’, *vakčína* ‘китайская вакцина’, *Koronáda* ‘знаменитые Карловарские вафли’, *Covidov* (напр. *U nás v Covidově*) — вымышленный топоним, образованный по модели реальных чешских географических названий с суффиксом *-ov*, ср. *Benešov, Chodov, Chomutov, Přerov* и др. В контексте коронавирусной темы неологизмы с именем собственным преимущественно реализуют понятия, связанные с конкретным представителем власти и его негативной (с точки зрения сограждан) деятельностью, напр. *koronababiš* (намек на Андрея Бабиша). Благодаря официальным указаниям чешского эпидемиолога, а затем министра здравоохранения Романа Примулы (в народном каламбуре *Šprýmula*) возникли слова-однодневки (с выходом чиновника в отставку на периферию языка перешли и слова его имени): *prymulex* ‘пакет официальных указаний Примулы’, *prymulofil, prymulovec* ‘сторонник Примулы’, *prýmička* ‘насморк (от чеш. *rýma*) при коронавирусе’, *prymulka* ‘маска, изготовленная ручным способом’.

Контаминационные дериваты создаются не столько для номинации, сколько для выражения экспрессии, и в силу своей каламбурной направленности они сохраняют достаточно высокую продуктивность. В целом в семантике подобных слов легко улавливается не только юмор, но сатира, ирония, сарказм по поводу разных сторон жизни, обусловленных пандемией.

К номинативным особенностям, параллельно засвидетельствованными славянскими языками, необходимо отнести наличие одинаковых по семантике и структуре стилистически маркированных неологизмов, напр., укр. *ковідка*, рус. *ковидка* чеш. *covidka* ‘коронавирус’, укр. *коронавт*, рус.

коронавт, чеш. *koronaut* ‘медперсонал в спецформе в инфекционном отделении’, рус. *ковидеть*, чеш. *kovidět* ‘болеть ковидом’, укр. *дистанційка*, рус. *дистанционка*, чеш. *distančka* ‘форма организации образования’, рус. *карантини*, чеш. *karantini* ‘мартини на карантине’, рус. *ковидарий*, чеш. *covidárium* ‘больница для больных ковидом’ и др.

Логическую цепочку в списке слов, специфицирующих пандемию коронавируса, могло бы завершить «главное» слово 2020 года, которое традиционно определяет Оксфордский словарь. Однако в докладе «2020. Слова беспрецедентного года» (обратим внимание, что даже название не сформулировано по шаблону «Слово года», а имело сопутствующие коннотации) эксперты не смогли выделить только одно важнейшее слово. В результате языкового мониторинга было названо несколько слов, которые оказали глобальное влияние на все сферы жизни общества (политику, экономику, образование, науку, здравоохранение, культуру) во всех странах мира — это *коронавирус*, *COVID-19*, *локдаун*, *социальная дистанция*.

4 Фразеологические и паремиологические неологизмы в свете проблем коронавируса

Процессы неологизации, как правило, касаются прежде всего лексического состава языка. Новые явления в сфере фразеологии и паремиологии не столь многочисленны, и отслеживать их намного сложнее. Тем не менее в свете коронавирусной неологистики фразеология и паремиология уже имеют определенные результаты. Анализ материала показывает, что новые образные выражения возникают на основе существующих структурно-семантических моделей, напр. рус. *дорожный чемоданчик/тревожный чемоданчик* > *ковидный чемоданчик* ‘специальный медицинский набор для анализов на коронавирус’, *курс валюты* > *курс лимона/курс имбиря* ‘удорожание данных продуктов во время пандемии’, *вирус* и *високосный год* > *вирусокопный год* ‘тяжелый календарный год’, *карантин* и *коротать время* > *скарантинить время* ‘скоротать время на карантине’, чеш. *hrát kopanou* ‘играть в футбол’ > *hrát rouškovanou* ‘носить маску’, *Čína* и *rýma* > *čínská rýmička* ‘коронавирус’, *Svědkové Jehovy* ‘Свидетели Иеговы’ > *Svědky COVIDovy* ‘заболевшие ковидом’ и многие другие.

Некоторые выражения, как образные, так и безобразные, осуществляют фразеологизацию вследствие когнитивных операций по ассоциации, напр. рус. *маска* > *салфетка на шнурках*, чеш. *nacionalismus* > *vakcinační/ očkovací nacionalismus* ‘забота о вакцине только для своего государства’. И наоборот, вследствие речевой трансформации известные выражения утрачивают фразеологическую семантику (дефразеологизируются) за счет языковой игры с целью экспрессивизации общения, напр.: укр. *ні в зуб ногою* > *ні в зум ногою*, рус. *зуб на зуб не попадает* > *зум на зум не попадает* и т.п.

На фразеологическом уровне языка создаются новые словесные комплексы аллюзивного типа. Аллюзия, как известно, является стилистической фигурой, содержащей указание, аналогию или намек на некий литературный, мифологический или политический факт, закрепленный в текстовой культуре и воспроизводимый в письменной или разговорной речи. Примером аллюзии, использующей намек на литературный источник, могут служить русские выражения *палата 2020* (аллюзия на повесть А. П. Чехова «Палата № 6» как некий символ общественного сумасшествия, безумия и отчаяния), *горе от зума* отсылает к комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума», *Пир во время короны* — к пословице *Пир во время чумы*.

Материалом для образной аналогии часто служит общеизвестное историческое высказывание, крылатая фраза, фольклорный текст. Так, латинское *Veni, vidi, vici* — *Пришел, увидел, победил* — во время дистанционного обучения переосмыслено как *Сидим, делаем, сдаем, Сестрица Удаленушка и братец Диванушка* ассоциируется со сказкой о сестрице Аленушке и братце Иванушке, отмечаются новообразования, возникшие на основе украинских колядок и щедровок: *Ковід, ковід, ковідниця. Гарна в масці молодця, а без маски не така, дайте антисептика! Дайте, дядьку, ковбасу, а ні — корону принесу!* (Mova).

Лозунг *Гражданин, ты не один, надень маску, кругом, — КАРАНТИН!* приобретает оттенок пародии на призыв *Граждане, будьте бдительны!* или на большевистский агитационный плакат *Ты записался добровольцем?* В современной коммуникации слоганы такого рода принимают форму мемов, образуя в итоге сложный семиотический текст, построенный на основе вербальных знаков и рисунка (АС), ср. укр. *досить шастать* (NV) — мем от киевского мера Владимира Кличко.

Различные стороны коронавирусной пандемии нашли свое осмысление в паремиологии анализируемых славянских языков. Собственно, возникают не новые пословицы и поговорки в классическом понимании этого жанра, современных примеров не так уж много, ср. рус. *Хотели как лучше, а получилось как всегда; Денег нет, но вы держитесь*. Однако на базе известных и частотных паремий в больших масштабах создаются антипословицы на злобу дня. Детальный анализ единиц русского и чешского языков представлен в статье Х. Вальтера и В. М. Мокиенко (Вальтер, Мокиенко 2020). Поэтому обратимся к украинскому материалу, в данном аспекте еще не исследованному.

Новые украинские паремии, мотивированные пандемией коронавируса, могут быть распределены по таким тематическим группам:

- 1) социальная позиция людей во время пандемии: *Не такой страшный карантин, як його малюють; Хто людей чіпає, той ковідку має; Моя хата скраю, в ній карантин перечекаю; Баба вдома — медсистемі легше; Людина людині коронавірус;*

- 2) особенности жизнеобеспечения, будней и праздников, отдыха: *На городі бузина, а в Київ нічим не доїдеш; Коронавірусу боятися — в АТБ (сеть продовольственных магазинов — Л.Д.) не ходити; З дурнем гречки не звариш; У страху великі запаси; Згадала баба як до карантину була; Рада душа в рай, але кордони закриті; Хто носить масочку, той буде їсти пасочку;*
- 3) коронавирус и его профилактика: *Сивина в бороду — вірус в ребро; Береженого Бог береже, а кордони санепідем стереже; Не все то антисептик, що спиртом пахне; Видно пана по антисептику; Дарованому антисептику в пульверизатор не заглядають; Паршива вівця всі протиепідемічні заходи псує;*
- 4) коронавирус в масштабах всего мира: *Усі дороги ведуть від Риму.*

Сопоставление материала украинского и русского языков показывает, что наличие общего нормативного варианта не дает одинаковых антипословичных соответствий, что свидетельствует об индивидуально-авторском характере новообразований, ср. укр. *На Бога надійся, а сам не зівай*; рус. *На Бога надейся, а сам не плошай* > укр. *На Бога надійся, а гречку запасай*; *На Бога надійся, а сам бережися*; *На карантин надійся, а сам не гуляй* (ІК); рус. *На Бога надейся, а руки помой! На Бога надейся, а сам маску надень* (Вальтер, Мокиенко 2020: 37).

В чешском языке наибольшую продуктивность для образования антипословиц проявило слово *rouška* 'маска', напр.: *Rouška — půl zdraví; Rouška kvařná, málo platná; Každý své roušky strůjcem; Host do domu, roušku na hubu; Lepší rouška v hrsti, než respirátor na střeše; Kdo chce roušku šít, nit si vždycky najde; Koho chleba jíš, tomu roušku ušij* (Вальтер, Мокиенко 2020: 36).

5 Метафоризация

Самой типичной метафорической моделью, которая представляет рассматриваемую понятийную область, является метафора войны — военных действий и вооружения, героев и врагов и пр. Ее специфика заключается в близости к состояниям, свойствам и действиям, актуализируемым в военной сфере.

Нас призывают *сдержатъ атаку вируса*, медиков называют *героями*, которые, *не жалея себя, спасают других*. Они не только кумиры, но и *надежда мира, герои нашего времени* (Беженару 2020: 53); чеш. *To jsou oni. Obyčejní hrdinové. Jsou okolo nás a jsou taky všude kolem vás. Chceme ukázat, že mezi námi je řada koronahrdinů ze sousedství, lidí, kteří v těžké situaci pomáhají nejenom svým bližním, ale taky zdravotníkům v první linii* (NM).

В этой войне есть и *павшие*, и мы почитаем их память *минутой молчания*. А тем временем *коронавирус (враг-невидимка с шипастой короной)*

не спешит сдавать позиции, и гонка антиковидных вакцин набирает обороты. «Коронавойна» идет в Питере: полиция отлупила палками ковид-диссидентов в баре, «ковидные снаряды» падают все ближе (АН). К этому кругу понятий относятся чешские слова *koronaválka*, *koronapariš*.

Важно отметить аспект ковидной неологтики, который придает социокультурную значимость проблеме взаимоотношения заимствований и культуры речи. Поскольку неологизмы — это специфический языковой материал, который пока еще лишь проходит «обкатку» в речевых практиках (массмедиа, интернет-форумы, блоги и т.п.) и далек от норм узуса, пользователи активно обсуждают вопрос о целесообразности заимствований иностранных слов в родной язык. Приведем лишь два примера. Против слова *локдаун* в чешском языке (в данное время оно сохраняет графическую норму английского *lockdown*) выступают люди на различных интернет-платформах:

- *Taková afektivní bouře kvůli jednomu slovu se mi jeví nadměrná.*
- *Tady se nejedná o jedno slovo. To je slovo ke slovu a za chvíli se tady česky nedomluvíme* (IFCZ).
- *Такая аффективная буря из-за одного слова мне кажется чрезмерной.*
- *Речь идет не об одном слове. Слово по слову и скоро здесь по-чешки не договоримся.*

Восприятие славянскими языками данного английского слова можно объяснить лишь его однословной формой, поскольку имеется семантический кореллят *жесткая изоляция* или *жесткий карантин*. Новый толковый словарь современного украинского языка в 20-ти томах (СУМ-20) данное слово не фиксирует, хотя массмедиа его широко используют, ср.: *Серія локдаунів змінила класичну освіту у всьому світі, широко запровадивши дистанційну* (УП 19.05.2021). Как разговорный вариант в стиле языковой игры можно привести пример: укр. *сиди дома, бо в лоб дам* (ФІМ 07.11.2020). Подобную семантическую модель демонстрирует ряд каламбуров с глагольным императивом, возникших сложением чешских слов: *domased* ‘сиди дома’, *domabud* ‘будь дома’, *domahnij* ‘гний дома’, *zahod'klič* ‘выброси ключ’.

Второй пример из словенского языка. Желая дать приоритет использованию «домашнего» термина перед иностранным, автор задает вопрос: *Je bolje «socialna distanca» ali «telesna razdalja»?* (FR 22.12.2020).

6 Заключение

Наше исследование — попытка сопоставительного анализа лексической и фразеологической неологтики коронавирусной тематики в украинском, русском и чешском языках. Материал, зоной распространения которого является устная речь, язык средств массовой информации и социальных

сетей, показал, что по семантическим и структурным признакам механизмы лексической неологизации обнаружили параллельные тенденции итернационального характера. Примечательно, что сходство присутствует не только в терминологической сфере, что вполне закономерно, но и среди национальных индивидуально-авторских, окказиональных лексических новообразований с ярко выраженной коннотацией. Таким образом, неологизмы выступают в качестве маркеров не только профессиональных инноваций, но и речевого творчества обычных носителей языка, которое отличается нестандартностью, образностью, языковой игрой. По принципу цепной реакции они продуцируют целые словообразовательные семантические серии, обнаруживая в языке новые и новые возможности передачи отношения к актуальному социальному явлению.

Заметной особенностью лексической неологизации является ее развитие по хронологической траектории: сначала недооценка коронавируса (напр., чеш. *koronacirkus*, *koronaidiotismus*), затем выражение страха и незащищенности (чеш. *koronapanika*, *korohoror*) и наконец признание серьезности ситуации, ее последствий и необходимости противодействия (чеш. *koronavakcína* и пр.). Таким образом, среди неологизмов исследуемого семантического поля можно установить рейтинг новизны. Его образуют слова, которые постепенно входили в национальные лексиконы по мере распространения пандемии коронавируса и необходимости обозначать новые реалии, с ним связанные. Ранжировка представляется примерно в такой последовательности: *Covid-19*, *коронавирус*, *масочный режим*, *социальная дистанция*, *самоизоляция*, *удаленка*, *вакцинация*, *ковидный сертификат/паспорт*. Это подтверждает тезис о том, что неологизмы являются истинным проявлением языкового развития.

В словообразовательных процессах преобладают словосложение, аффиксация, контаминация, частично происходит неосемантизация, а также фразеологизация и метафоризация. По признаку частеречной принадлежности преобладают существительные и их адекативные дериваты. Отмечаются также дивергентные признаки, что обусловлено семантическими особенностями мотивирующих имен.

В свете коронавирусной тематики фразеологизация происходит на основе существующих структурно-семантических моделей, а на базе трансформаций известных и частотных пословиц и поговорок славянских языков создаются новые антипословицы.

Важно отметить, что неологизмы коронавирусной эпохи — это тема не только лексикологическая и лексикографическая. В связи с потоком иноязычных заимствований она касается проблематики культуры речи, соотношения в языке национального и универсального.

Как известно, жизнь неологизмов не бывает долговечной. Вероятно, слово *коронавирус* войдет в общенациональные лексиконы. Однако много лексических изобретений периода пандемии, как только изменится социальный контекст, переместится в пассивный запас, станет памятным

свидетельством коронавирусной эпохи. И несмотря на то, что «языковой вкус» этой эпохи отмечен горьким послевкусием, неологизмы этого времени стоило бы собрать в одном словаре «Словарь эпохи коронавируса», как, например, в проекте «Толковый словарь языка Совдепии» (Мокиенко, Никитина 1998). Во всяком случае лексическая инновация *koronaslovník* в чешском языке уже имеется (см. NM).

ЛИТЕРАТУРА

Людмила Ефимовна БЕЖЕНАРУ, 2020: Все течет, все меняется: новые слова и устойчивые словесные комплексы COVID-ной тематики (на материале русскоязычных СМИ). *Славянская фразеология и паремиология: традиционные и новаторские решения проблем*: К 80-летию со дня рождения профессора В. М. Мокиенко. Отв. ред. Е. В. Ничипорчик. Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины. 52–59.

Харри ВАЛЬТЕР, Валерий МОКИЕНКО, 2020: Аксиологическое пространство коронавирусной паремиологии (на славянском фоне). *Новые слова и словари новых слов. 2020: Сборник научных статей*. Отв. ред. Н.В. Козловская. Санкт-Петербург: Институт лингвистических исследований РАН. 33–44.

Анна ВЕЖБИЦКАЯ, 2020: Семь важных мыслей во время коронавирусной пандемии. *Russian Journal of Linguistics* 24/2, 253–258.

Владислав Евгеньевич ЗАМАЛЬДИНОВ, 2020: «Вирусные» новообразования в современной медиакommunikации. *Русская речь* 4, 19–27.

Александр Васильевич ЗЕЛЕНИН, Таисия Николаевна БУЦЕВА, 2020: От сиддомцев до коронапофигистов (Наименования лиц в период пандемии коронавируса). *Русский язык в школе* 81/6, 97–106.

Евгения Анатольевна КАРПИЛОВСКАЯ, 2014: Иноязычные ресурсы современного украинского словообразования. *Slavia Centralis* 2/7, 18–29.

Максим Анисимович КРОНГАУЗ, 2007: *Русский язык на грани нервного срыва*. Москва: Языки славянских культур.

Валерий Михайлович МОКИЕНКО, Татьяна Геннадьевна НИКИТИНА, 1998: *Толковый словарь языка Совдепии*. Санкт-Петербург: Фолио-пресс.

Борис Юстинович НОРМАН, 2006: *Игра на гранях языка*. Москва: Флинта: Наука.

Зифа К. ТЕМИРГАЗИНА, Малгожата ЛУЧИК, 2020: Семиотика «пандемического» дискурса: «новояз» эпохи карантина. *Филологические науки* 6/1, 30–38.

Елена ШМЕЛЕВА, 2020: *Заразительные неологизмы*. Дата доступа: 01.12.2020 на <https://www.kommersant.ru/doc/4323125>.

Renáta BOHUSLAVOVÁ, 2020: *Haranténa, prymulex, rouškomil aneb Jak koronavirus obohatil češtinu*. Дата доступа: 01.12.2020 на <https://www.novinky.cz/koronavirus/clanek/harantena-prymulex-rouskomil-aneb-jak-koronavirus-obohatil-cestinu-40323755>.

Karel ČAPEK, 1941: *Marsyas, čili, Na okraj literatury (1919-1931)*. Praha: Fr. Borový.

Natalija ULČNIK, 2020: Podoba epidemije v starejših poljudnostrokovnih in publicističnih besedilih. *Slavia Centralis* 13/2, 31–49.

ИНТЕРНЕТ-ИСТОЧНИКИ

ДП: <https://www.depo.ua/ukr/life/koronairusna-pandemiya-porodila-novi-slova-perelik-202011171245971>

ИК: <https://site.ua/iryna.kupchynska/>

ПГ: <https://www.pnp.ru/>

СУМ-20: Словник української мови <https://sum20ua.com/>

УД: <https://uadim.in.ua/>

УП: life.pravda.com.ua/

ФІМ: <https://www.facebook.com/inmo.org.ua/>

АС: <https://art-cafe.info/index.php?topic=810.36>

АН: <https://anews.com/136470991-koronavojna-v-pitere-policija-otlupila-palkami-kovid-dissidentov-v-bare.html>

Čeština 2.0, 2020: <https://cestina20.cz/>

FBUK: <https://www.facebook.com/politologieFFUK/posts/3324284534272624/>

FR: <https://www.fran.si/>

GK: <https://glavcom.ua/columns/stanislavzhelikhovsky/koronavirus-v-jevropi-usi-dorogi-vedut-vid-rimu-665157.html>

GM: <https://gwaramedia.com/kovid-dysydeny-ta-koroyinaly-ironichnyj-slovyk-pandemiyi-koronavirusu/>

IG: <http://www.integrumworld.com>

IF: <https://www.interfax.ru/russia/737488>

IFCZ: <https://www.infoz.cz/lockdown/>

LN: Lidové noviny. <https://www.lidovky.cz/>

Mova: <https://www.facebook.com/mova.ukr/posts/3853248484711313/>

NCZ: <https://www.novinky.cz/>

NM: Databáze excerptního materiálu Neomat (2015) [online]. Verze 3.0. Praha: Oddělení současné lexikologie a lexikografie Ústavu pro jazyk český AV ČR. Cit. 2020-12-26. <<http://neologismy.cz/>>

NV: <https://newsvideo.su/video/12509213>

NW: <https://news.un.org/ru/audio/2020/06/1379652>

PON: <https://pontias.cz/jak-na-zoom/>

RG: <https://rg.ru/2020/05/01/reg-ufo/koronavirus-popolnil-russkij-iazyk-novymi-slovami.html>

RS: <https://www.svoboda.org/a/30526106.html?fbclid=IwAR2YfZ2RivUv42lfLo537ct5yYW1iN4sG-kxu6DUxvNEkFFKUhbyW2V83-s>

KORONAVIRUSNO OBDOBJE IN NOVO BESEDJE TER NOVE FRAZEOLOŠKE ENOTE V SLOVANSKIH JEZIKIH

Namen raziskave je obravnava novejšega besedja in novejših frazeoloških enot, ki so se v treh slovanskih jezikih, tj. ukrajinščini, ruščini in češčini, pojavile v času pandemije koronavirusa in so se nanašale na različne vidike življenja in družbe v pandemičnem času. Analiza temelji na gradivu, pridobljenem iz besedil sodobnih množičnih medijev, družbenih omrežij in spletnih portalov. Predstavljene so tematske skupine leksike, ki vsebuje knjižna in pogovorna poimenovanja koronavirusa in oseb glede na njegovo dožemanje, poimenovanja različnih družbenih pojavov, odnosov ipd. Analiza je pokazala, da se v mehanizmih leksikalne neologizacije glede na semantične in strukturne značilnosti kažejo vzporednice pri vseh obravnavanih slovanskih jezikih. Za pisna in govorna besedila množičnih medijev je značilna tvorba priložnostnic, ki so izrazito ekspresivne. Neologizmom obravnavanega semantičnega polja lahko določimo stopnje novosti. Gre za besede, ki so se postopoma umeščale v besedišče slovanskih jezikov, na kar je vplivalo širjenje koronavirusa, epidemične in pandemične okoliščine ter potreba po poimenovanju novih realij, povezanih z njimi. V članku je leksika razvrščena v naslednje sklope: covid-19, koronavirus, nošenje mask, medosebna razdalja, samoizolacija, delo na daljavo, cepljenje, covidno potrdilo. V besedotvornih procesih zasledimo afiksacijo, kontaminacijo, deloma se pojavlja neosemantizacija, tudi frazeologizacija in metaforizacija. Na besednovrstni ravni prevladujejo samostalniki in njihove pridevniške izpeljanke. Izpričane so tudi divergentne značilnosti, ki so pogojene s semantičnimi posebnostmi motivirajočih imen. Ugotovljeno je, da frazeologizacija poteka na podlagi obstoječih strukturno-semantičnih modelov, medtem ko se na ravni paremioloških enot pojavljajo prenovitve znanih in v rabi pogostih slovanskih pregovorov in sorodnih enot, kar vodi tudi v nastanek novih antipregovorov.
